

© А. И. РАЗУВАЛОВА

МЕТАФОРА ОРГОРУЖИЯ В РОМАНАХ И ПУБЛИЦИСТИКЕ АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА*

Российская массовая культура обращается к теме таинственного пси-оружия в 1990-е годы. «Борьба за пси-оружие» довольно быстро становится клише, которое воспроизводится авторами множества произведений, сочетающих жанровые характеристики научной фантастики, мистического триллера и политического романа (например, «Странник» Олега Маркеева, «Никогда не говори: не могу» Сергея Донского, «Улыбка бультерьера» (кн. 2) Михаила Зайцева, «Горячий старт» Владимира Васильева и др.). Обычно в этих произведениях речь идет о методах и устройствах, обеспечивающих контроль над психическим и физическим состоянием людей, а под пси-оружием подразумеваются генераторы с различными видами излучения, психотропные средства и экстрасенсорное воздействие. Разработку и обладание пси-оружием приписывают спецслужбам, мафии или глубоко законспирированным международным структурам, которые в нарушение закона применяют его для достижения своих тайных целей. По сути, секретность и мощь такого оружия в массовой культуре олицетворяют секретность и мощь организаций или индивидов, которые им владеют.

Интерес к пси-воздействию разделяет и Александр Проханов — писатель, журналист, главный редактор газеты «Завтра», один из лидеров просоветски настроенных имперцев-государственников, создатель сообщества консервативных экспертов «Изборский клуб». Однако в его романах и политической публицистике пси-оружие или чаще — оргоружие (история этого термина будет разъяснена ниже) является не столько мотивом, обеспечивающим сюжетную динамику, сколько метафорой, которую автор помещает в центр своей политико-историсофской концепции, снабженной сильными конспирологическими акцентами. О конспирологическом сознании писателя в связи с прохановской «сакральной топографией» размышлял Лев Данилкин, который, однако, не специфицировал понятие конспирологического мышления, а рассматривал последнее как разновидность «мифологизирования повседневной жизни».¹ Тем не менее о Проханове-конспирологе можно говорить и в более узком смысле, поскольку он не просто использует сюжетобразующий потенциал конспирологических мотивов во многих своих постсоветских романах, но на протяжении почти двух десятилетий формирует риторику публичного обсуждения ключевых общественных проблем при помощи конспирологических объяснительных моделей. Широко использовать конспирологические схемы вне художественных текстов² Проханов начал в 1990-е годы, когда язык конспирологии был характерен, в основном, для политических радикалов и маргиналов, не имевших доступа

Анна Ивановна Разувалова — старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-02952 («Конспирологические нарративы в русской культуре XIX — начала XXI вв.: генезис, эволюция, идейный и социальный контексты»).

¹ См.: Данилкин Л. Человек с яйцом: Жизнь и мнения Александра Проханова. М., 2007. С. 85—86. Критик приводит слова Проханова: «Мне свойственно конспирологическое сознание» (Там же. С. 408).

² О расширительном толковании теории заговора некоторыми исследователями, связывающими «конспирологическое» с концептом «тайна» и нарратологической спецификой анализируемых текстов, см.: Панченко А. А., Богданов К. А. «Теория заговора», история культуры и русская литература // Русская литература. 2015. № 4. С. 10.

к реальным рычагам управления. В этот период Проханов и Александр Дугин, оппонировавшие политическому курсу Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, нередко прибегали к конспирологическим интерпретациям текущих событий (в возглавляемой Прохановым газете «День» / «Завтра» в начале 1990-х годов существовала рубрика «Конспирология»). С 1993 по 2014 год Проханов написал несколько политико-конспирологических романов — среди них «Последний солдат империи» (1993, в новой редакции 2007 года — «Гибель красных богов»), «Господин Гексоген» (2001), «Полиолог» (2005), «Виртуоз» (2009), «Крым» (2014).³ Практически в каждом из них он затрагивает тему воздействия на сознание, а в «Последнем солдате империи» и публицистике выводит на первый план феномен организационного оружия. В трактовке Проханова оргоружие представляет собой не только особые технические устройства, но весь комплекс разнообразных методов воздействия на сознание, включая гипноз, оккультные практики, шаманизм, колдовство, а также подрывную идеологическую работу, не раз разоблаченную в хорошо известной писателю позднесоветской пропагандистской литературе об «информационной войне» против СССР: «Организационное оружие — термин современной политологии. Так называют воздействие, которому подвергается государство-соперник, разрушаются глубинные основы этого государства, его исторические, идеологические и культурные коды. Демонизируются лидеры и элиты. Стираются из памяти народа его исторические победы. Навязываются образы чужой культуры, чужой истории, чужих смыслов. В результате государство начинает чахнуть, шатается и, в конце концов, разрушается».⁴

В общем, в понятие оргоружия Прохановым включается все, что подрывает и разрушает устойчивые структуры индивидуальной и коллективной идентичности, все, что дезориентирует и дезорганизует общество, побуждает его принимать заведомо неверные решения (в этом смысле аппаратное пси-воздействие на сознание — квинтэссенция феномена внешнего воздействия как такового). Оргоружие можно рассматривать как родовое понятие по отношению к видовым — например, плану Даллеса или сценариям и методам установления Нового мирового порядка. В предельно широкой трактовке, характерной для романов и публицистики Проханова, оно восходит к советской идеологеме борьбы двух систем и модифицирует ее применительно к реалиям информационного общества и новой, сложившейся после распада СССР, геополитической картине (теоретическое обоснование так называемой «геополитической конспирологии» принадлежит А. Дугину, идеи которого в 1990-е годы оказали на Проханова несомненное влияние⁵). Метафора оргоружия как раз описывает конфликтные геополитические взаимоотношения цивилизации Суши и цивилизации Моря, подчеркивая неустра-

³ Автор недавней работы о современной русской литературе Борис Нурденбос к конспирологическим романам относит и прохановский «Холм» (2008). См.: *Noordenbos B. Post-Soviet Literature and the Search for a Russian Identity*. New York, 2016. P. 190—195. Романы «Господин Гексоген» и «Полиолог» как образец широко распространенного в русской литературе 1990—2000-х годов конспирологического воображения проанализированы также в статье: *Livers K. The Tower or the Labyrinth: Conspiracy, Occult, and Empire-Nostalgia in the Work of Victor Pelevin and Aleksandr Prokhanov // Russian Review*. 2010. Vol. 69 (July). P. 477—503.

⁴ Проханов А. Алексей Навальный как оргоружие // *Завтра*. 2013. 25 июля (см.: <http://zavtra.ru/blogs/aleksej-navalnyj-kak-orgoruzhie> (дата обращения: 31.01.2018)).

⁵ Как известно, Проханов недолгое время был близок эзотерическому кругу Юрия Мамлеева, Дугин в 1980-е годы принадлежал к «московскому мистическому подполью» Евгения Головина. Возможно, эти обстоятельства предопределили их внимание к мистически-оккультной и ритуальной природе заговора. См. об этом: *Griffiths E. Aleksandr Prokhanov and Post-Soviet Esotericism*. New York, 2017; *Сэдживик М. Наперекор современному миру: Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века*. М., 2014. С. 367—399.

нимый характер их противостояния. Проханов, много лет проработавший журналистом «Литературной газеты» и близкий к военным кругам, не просто прекрасно ориентировавшийся в официальных идеологических трендах, но во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х годов пытавшийся дать им «новое дыхание», никогда не считал «подрывную деятельность против СССР» идеологическим штампом, и события, связанные с падением Советского Союза, лишь усилили его интерес к проблеме законспирированного внешнего влияния на коллективное сознание. Последовательный сторонник «Красной империи», Проханов всегда был убежден, что она погибла в результате крупномасштабной диверсии, которую на протяжении нескольких десятилетий осуществляли тайные интернациональные сообщества, западные спецслужбы и прозападно настроенные группы позднесоветской элиты. Изобретательно использованное оргоруужие помогло им достичь поставленной цели более эффективно, нежели в открытом военном противостоянии.

Сейчас в публицистике и политической аналитике понятие оргоруужия используется довольно широко, особенно в связи с феноменом «гибридных» («hybrid warfare») и «сетевых» войн. Определения этого термина варьируются, хотя эксперты сходятся во мнении, что оргоруужие предполагает влияние на мотивацию противника и систему принятия решений.⁶ Однако Проханов начал использовать термин «организационное оружие»⁷ раньше, еще в 1990-е годы, и в особом контексте. К понятию «оргоруужие» он обратился, скорее всего, под влиянием советских ученых, специалистов в области концептуального проектирования систем управления — Спартака Никанорова и Сергея Солнцева. По мнению С. Никанорова, именно его коллега С. Солнцев впервые употребил термин «организационное оружие» «для обозначения широкого разнообразия приемов, блокирующих продуктивную деятельность организаций. (...) Термин очень быстро стал популярным. Трагедия краха СССР объяснялась как следствие применения против него организационного оружия».⁸ Отголоски некоторых идей Никанорова—Солнцева и их единомышленников можно обнаружить в диалогии Проханова, куда входят романы «Шестьсот лет после битвы» (1989) и «Ангел пролетел» (1994). Оба произведения посвящены строительству Калининской атомной электростанции, оба демонстрируют интерес писателя к проблемам менеджмента и социального проектирования, интереса, который во многом объясняет направление сегодняшней деятельности Проханова в качестве публициста и главы Изборского клуба. Л. Данилкин, обративший внимание на не типичный для позднесоветской культуры интерес Проханова к теории менеджмента, уточнял, что управленческие вопросы писатель пытался обсуждать еще в 1970-е годы в романах «Время полдень» (1975) и «Место действия»

⁶ См. различные политологические трактовки термина «оргоруужие»: Оргоруужие: о том, что хаос может быть рукотворным: сводная аналитическая группа Центра Кургияна об угрозах суверенитету России. М., 2007; *Овчинский В., Сундиев И.* Организационное оружие // Изборский клуб. 2013. № 6. С. 43—59; *Султанов Ш.* Стратегическое мышление и организационное оружие // Там же. С. 94—103; *Фурсов А.* Кризис выплывает из лжи. Оргоруужие: глобально-управленческий аспект (см.: <http://dynacon.ru/content/articles/2085/> (дата обращения: 31.01.2018)).

⁷ В вышедшей в США в 1952 году книге Филиппа Селзника термином «организационное оружие» была охарактеризована деятельность большевистской партии, сумевшей заблокировать иные формы гражданской активности в СССР. См.: *Selznick Ph.* The Organizational Weapon. A Study of Bolshevik Strategy and Tactics. New York etc., 1952. Я не располагаю сведениями о том, был ли знаком Проханов с этой книгой, но интересно, что издатель этой книги — «RAND Corporation» в «Гибели красных богов» и публицистике предстает одним из главных мозговых центров, где разрабатывалось обращение против СССР организационное оружие.

⁸ *Никаноров С. П.* Сергей Викторович Солнцев. См.: <http://spnikanorov.ru/stati/sozdateli-kontseptualnogo-napravleniya/sergej-viktorovich-solntsev/> (дата обращения: 31.01.2018).

(1978), однако во второй половине 1980-х годов он, судя по всему, утвердился в «ощущении потери управляемости», которое и вызвало интерес к идеям «концептуалистов». ⁹ Впоследствии Проханов характеризовал Никанорова, Солнцева и их коллег как научное сообщество, которое поставило верный диагноз эрозирующей советской системе в тот момент, когда она еще подлежала реформированию. Однако в силу разных причин — от бюрократических проволочек до успешно примененных методов «информационной войны» — эти реформы провалились, так и не развернувшись в полной мере. «Они, — писал Проханов о Никанорове и его последователях, — были великие проектанты, брали на себя функцию природы и Господа Бога, они объяснили мне Советский Союз как суперпроект, они объяснили мне причины деградации этого суперпроекта: он перестал допроектироваться, перестал достраиваться, исчезли конструкторские бюро социальные». ¹⁰

В период работы над романом «Шестьсот лет после битвы» писатель узнал о внедрении на Калининской АЭС разработанной Валерием Водяновым и поддержанной Никаноровым системы управления «КОМПАС» (в романе она названа «ВЕКТОР»). Очевидно, эту организационную технологию Проханов воспринял как советский вариант «управленческого оружия», в котором остро нуждалась страна (в первом романе он использовал именно термин «управленческое оружие», хотя при обсуждении произведений Проханова Никаноров и его коллеги оперировали понятием «организационное оружие» ¹¹). Строительство Калининской АЭС, попытки внедрить систему «ВЕКТОР», их крах Проханов сделал метафорой горбачевской перестройки и последующей судьбы страны: советский проект, действительно, нуждался в реформировании и мог быть спасен внедрением собственного «управленческого оружия», которое, реконструирует критик замысел автора диалогии, позволило бы «удержать баланс, выйти из тупика, в который СССР загоняет мировая закулиса. Прохановские герои руками и ногами цепляются не за „совок“, а за советский вариант будущего. Эта стройка — последняя битва за СССР...» ¹² Однако, как уже говорилось, идеологические и организационные новации были заблокированы, шансы изменить ситуацию путем реформирования страны изнутри стали стремительно таять, особенно после того, как высшее руководство избрало гибельный вариант общественного развития — итогом управляемых и неуправляемых кризисных процессов стала гибель СССР.

Помимо языка советских аналитиков-концептуалистов, представления об оргоружии и пси-воздействии в более поздних статьях и романах Проханова отсылают к популярным темам постсоветской культуры и политической жизни 1990-х годов. Серьезный кризис коллективной идентичности, который пришелся на этот период, часто переживался в терминах утраты сколько-нибудь убедительных моделей описания происходящего. Юрий Воробьевский, которого спустя годы назовут одним из наиболее видных, наряду с Олегом Платоновым и Михаилом Назаровым, конспирологом современной России, ¹³ полагал, что в 1990-е годы «произошло „невозможное“. Все

⁹ См.: Данилкин Л. Человек с яйцом. С. 393—395.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 395.

¹¹ См.: Никаноров С. П. Организационное оружие и писатель // Восток. 2003. № 11—12 (см.: http://www.situation.ru/app/j_art_159.htm (дата обращения: 31.01.2018)).

¹² Данилкин Л. Человек с яйцом. С. 407.

¹³ Воробьевский Ю. «Наступил на аспид...» // Завтра. 2008. 19 марта (см.: <http://old.zavtra.ru/content/view/2008-03-1951/> (дата обращения: 31.01.2018)). В 1992 году Воробьевский снял передачу «Черный ящик. Зомби среди нас», рассказывавшую, среди прочего, о пси-работках в СССР. В 1993 году совместно с А. Дугиным он выпустил для ОРТ цикл передач под названием «Тайны века». Позднее всеобщий интерес к конспирологическим сюжетам в 1990-е го-

оказалось не так, как мы думали прежде... Таков был психологический фон. В воздухе висел вопрос: кто стоял за развалом страны? Люди верили в самые экзотические версии». ¹⁴ По мере ослабления цензурных ограничений СМИ начали активно осваивать темы, ранее находившиеся под грифом «секретно», и озадачивать читателей вопросом — существует ли пси-оружие и другие методы воздействия на сознание или же это досужая выдумка? Журналисты сообщали о долгосрочных исследовательских программах в области психотроники, которые велись в исследовательских институтах с 1960-х годов (постепенно об этом начали писать и специалисты, участвовавшие в подобных разработках), ¹⁵ о недавних планах советского руководства по финансированию разработок в области биоэнергетики, ¹⁶ о торсионных и лептонных генераторах, способных изменить самочувствие и поведение людей, о практике нейролингвистического программирования личности, о «синдроме зомби» и т. п. Эти темы дискурсивно оформляли интерес к проблемам массовой и индивидуальной внушаемости, ¹⁷ проявления которой, с одной стороны, можно было наблюдать в различных — от экономической до религиозной — сферах жизни, а с другой стороны, объяснять в рамках модифицированного интеллигентского антисоветского дискурса. Так, на рубеже 1980—1990-х годов широкое хождение в СССР получает термин «зомбификация», подразумевающий психоидеологическую «обработку» населения с целью внушить ложное представление о реальности. ¹⁸ Убеждение, что господствовавшая на протяжении семидесяти лет коммунистическая идеология успешно превращала граждан СССР в «зомби», стало в этот период важным компонентом риторики, нацеленной на критику советской системы. Идеологическое воспитание населения в советское время, которое включало в себя тиражирование призывов, лозунгов и цитат, уподоблялось сейчас нейролингвистическому программированию — как следствие «зомбированными» объявлялись «очень многие жители бывшего СССР». ¹⁹ Разработкой в области пси-воздействия, которые велись в СССР, тоже нередко пренебрежались в СМИ как часть зловещих планов советского руководства и спецслужб по установке полного контроля над населением, а возможности применения пси-оружия в современной ситуации ставились в прямую зависимость от намерений теряющей власть партийной и силовой элиты взять реванш: «Психотроника, — предупреждал Ю. Воробьевский в 1994 году, — может стать последней картой для выдохшейся идеологии или потерявшего легитимность режима». ²⁰ Ответственность за применение более изощренных методик воздействия на сознание (например, использование психотронного ору-

ды Воробьевский оценивал в религиозно-метафизической перспективе, придерживаясь версии об использовании противником специальных мер, направленных на иррационализацию массового сознания (см.: Там же).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Помимо давней работы (*Ostrander Sh., Schroeder L. Psychic Discoveries Behind the Iron Curtain. New York, 1971*) см. некоторые исследования, появившиеся на пике интереса к проблемам пси-воздействия: *Винокуров И., Гуртовой Г. Психотронная война: От мифов — к реалиям. М., 1993; Кандыба В. Тайны психотронного оружия. СПб., 1998.*

¹⁶ *Волков О. Психическое оружие не найдено. Но 500 миллионов истрачены // Комсомольская правда. 1991. 27 сент.; Фролов Д. Биоэнергетика под ружьем. Правительство дало добро на разработки в экзотических областях // Независимая газета. 1991. 19 нояб.*

¹⁷ См.: *Богданов К. А. Банка Чумака, взгляд Кашпиоровского: О роли неподвижных предметов в социальном воображении // Новое литературное обозрение. 2015. № 136. С. 85—98.*

¹⁸ Написанное в 1990 году эссе Виктора Пелевина «Зомбификация. Опыт сравнительной антропологии» как раз пародийно обыгрывало параллели между ритуалами вуду по превращению в зомби и советскими «ритуалами» по превращению в партийца (см.: *Пелевин В. Все повести и эссе. М., 2009. С. 353—390*).

¹⁹ *Стоколос А. Внимание — психотронное оружие // Юридическая газета. 1992. № 6. С. 4.*

²⁰ *Воробьевский Ю. Мозголомы // Аргументы и факты. 1994. № 48. С. 13.*

жия) журналисты, проводившие специальные расследования, обычно возлагали на советские спецслужбы (параллельно в прессе появлялись сообщения о серийном производстве в СССР психотронных генераторов²¹). В 1991—1992 годах на волне демократических преобразований граждане, считавшие себя жертвами психотеррора, т. е. экспериментов по управлению сознанием, предприняли попытки согласованных публичных действий — они пикетировали Белый дом и здание КГБ на Лубянке. Тогда же заявления жертв пси-воздействия были переданы в Прокуратуру России, а группа депутатов из города Зеленограда обратилась к президенту Ельцину с требованием «расследовать дело о применении биоэлектронного оружия».²² Однако Прокуратура сообщила, что она не располагает данными о подобных инцидентах. В 1991 году при газете «Труд» даже была создана общественная комиссия «Феномен», которая пыталась собирать свидетельства жертв пси-оружия и сведения о засекреченных советских разработках в области психотроники. Впрочем, глава «Феномена» журналист Игорь Царев констатировал, что материалы, попавшие в распоряжение комиссии, не позволяют дать сколько-нибудь развернутое и рационально обоснованное истолкование имевшимся фактам пси-воздействия.

Однако имела место и противоположная тенденция, которая стала набирать силу после распада Советского Союза и событий, ему предшествовавших (прежде всего, августовского путча 1991 года): постепенно среди просоветски настроенной публики стала крепнуть убежденность в том, что, если организационное оружие, включая пси-воздействие, и применялось, то не СССР и его спецслужбами, а против СССР. Любопытно также, что события августа 1991 года в социальном воображении россиян оказались прочно связаны с идеей пси-воздействия. Известно, что в дни путча генерал Константин Кобец обмолвился о наличии у спецназа «психотронных генераторов», которые могут быть использованы против защитников Белого дома.²³ Позднее начальник отделения группы «А» Леонид Гуменный (спецназ) признал, что во время обсуждения штурма Белого дома рассматривалась возможность применения «секретного оружия огромной разрушительной силы».²⁴ Газета «Известия» через неделю после путча опубликовала беседу с полковником Александром Шерстюковым, утверждавшим, что существовало намерение распылить с вертолета спецсредства над защитниками Белого дома, дабы милиция могла установить «химические ловушки» и выявить противников ГКЧП. Правда, по словам Шерстюкова, шифровки, которые получало его подразделение, были изъяты, а потому журналист «Известий» выступил с призывом — не дать исчезнуть документальным следам так называемого «технологического путча».²⁵ Наряду с этим существовали свидетельства противоположного плана: работавший в СССР болгарский врач-биоэнерготерапевт Тодор Дичев уверял, что пси-оружие, действительно, было применено к защитникам Белого дома, но не путчистами, а западными спецслужбами — толпу ввели в состояние эйфории, уверял Дичев, при помощи аппара-

²¹ См.: *Кандыба В.* Тайны психотронного оружия. С. 36—46.

²² *Царев И.* Синдром «зомби» (Из архива комиссии «Феномен») // Книга тайн — 4. М., 1993; см. также: *Кандыба В.* Тайны психотронного оружия. С. 74—76, 91—93.

²³ *Волков О.* Слухи о том, что нам давили на психику, не подтвердились. Пока // Комсомольская правда. 1991. 7 сент. Некоторые эксперты утверждают, что «психотронные» — результат оговорки или использования более общего термина, обозначающего, среди прочего, и психотронику, тем не менее, предполагают они, речь шла, скорее всего, о «психотронных» генераторах (см.: *Кандыба В.* Тайны психотронного оружия. С. 106).

²⁴ *Степанков В. Г., Лисов Е. К.* Кремлевский заговор. М., 1992. С. 40.

²⁵ *Бурбыга Н.* Они хотели «пометить» защитников Белого дома // Известия. 1991. 28 авг. С. 8.

туры, находившейся на борту американского крейсера «Белкнап», который пришвартовался в Варне.²⁶ Этот факт, по мнению Дичева, подтверждает, что «...на основе средств массовой пропаганды произошел переход от манипулирования сознанием отдельных личностей к манипулированию сознанием целых народов».²⁷ Позднее, журналист газеты «Голос» высказал предположение: во время путча имело место взаимоналожение разнонаправленных психотронных воздействий, что повлияло и на путчистов, и на защитников Белого дома, и привело в итоге к непредсказуемым результатам.²⁸ Кроме того, на мысль о применении особых средств воздействия²⁹ многих наталкивала череда загадочных смертей членов ГКЧП. Именно в этой атмосфере оживленно циркулировавших слухов об использовании пси-оружия и складывалась мифо-идеологическая структура прохановских конспирологических романов.

Вероятно, разноречивые оценки путча августа 1991 года, апеллирующие к фактору возможного или реального пси-воздействия, свидетельствовали о невозможности объяснить случившееся в терминологии политической борьбы внутри страны. Действия участников путча, причем с обеих сторон, виделись несводными, так же как и осуществленный в итоге политический выбор. В характерной для «культуры заговора»³⁰ манере Дичев или Проханов ставили под вопрос принцип свободного волеизъявления, подчеркивали значимость невидимых агентов политического действия и обнажали тем самым психологическую подоплеку подобных суждений — ощущение тотальной манипулируемости / внушаемости индивида или группы людей. Прохановские рассуждения о всепроникающем и сверхмощном оргоружии, как уже говорилось, были попыткой осмыслить причины подобной податливости личности или массы внешнему воздействию, податливости, приведшей, по мнению писателя, к краху советской государственности. Далее речь пойдет о том, как в романах и публицистике Проханова метафора оргоружия встраивается в создаваемый писателем политико-конспирологический нарратив и определяет характер сюжетного развития.

* * *

Нет ничего удивительного в том, что центральное место образ оргоружия занял в романе об августе 1991 года. Заглавие второй редакции текста — «Гибель красных богов» — в свернутом виде уже содержало «фор-

²⁶ Дичев Т. «Зомби» на площади Свободы // Голос Вселенной. 1991. № 11. Дичев, по его же словам, автор термина «психофашизм», яростно разоблачал как советские спецслужбы и пропаганду, так и западные. Любопытным образом он встраивал эти обличения в националистический дискурс — «этнос» и «нация» являются в его работах главным объектом угрозы со стороны международных закулисных структур. См., например: Дичев Т., Николов Н. Зловещий заговор. М., 1994.

²⁷ Дичев Т. Психоэнергетика и духовное здоровье. М., 2004. С. 71.

²⁸ Дмитриев Н. Я, зомби, выбираю зомби // Голос. 1995. № 49. С. 4.

²⁹ Поначалу конспирологическую версию событий августа 1991 года Проханов изложил в романе «Последний солдат империи». Он утверждал, что потенциально разрушительная для целостности СССР борьба российского и союзного центров власти, в которой первый будет поддержан западными спецслужбами, была аналитически им просчитана еще до выступления ГКЧП. Впоследствии писатель продолжал собирать сведения в пользу своего — конспирологического — видения путча как результата секретной операции по переброске полномочий от Горбачева к Ельцину при деятельном участии КГБ (см., например, интервью с неназванным членом альтернативного штаба ГКЧП, проливающее свет на «подлинные» цели заговора: Проханов А. ГКЧП с двойным дном // Завтра. 2010. 14 июля. См.: <http://zavtra.ru/blogs/2010-07-1481> (дата обращения: 31.01.2018)).

³⁰ Knight P. Conspiracy Culture: From the Kennedy Assassination to «The X-Files». London; New York, 2000. P. 3.

муду» этого исторического события, приблизившего, с точки зрения Проханова, распад СССР. О действии оргоруужия постоянно напоминает окружающим главный герой, офицер спецслужб, аналитик Белосельцев, которого Чекист, глава КГБ (прототипом был В. А. Крючков), вовлекает в заговор против либералов, новоявленных бизнесменов, партийцев-«демократов», в общем, всех тех, кто символизирует прозападный путь развития страны и параллельно замышляет заговор против СССР. Оргоруужие — главная тема аналитического исследования Белосельцева, в котором поставлен точный, но запоздалый диагноз происходящему. Герой, наделенный многими автобиографическими чертами самого Проханова, изображен как человек, раздираемый накануне путча противоречивыми чувствами: с одной стороны, в поездках по стране со сторонниками «красного» заговора он судорожно ищет любое свидетельство силы советского строя (например, он поражен мегамашинной «Полководец», названной Главкомом «оргоруужием», которое «невозможно переиграть»³¹), ибо эти свидетельства позволяют ему справиться с предчувствием неминуемой катастрофы; с другой стороны, он видит множество примет эффективной работы вражеского оргоруужия, но вместо жажды борьбы повсюду наблюдает покорность советской управленческой элиты ходу событий. В этом смысле оргоруужие в романе — символ всепроникающей разрушительной силы, вызывающей обвал государства, причем сила эта вовсе не стихийного происхождения. В первых же эпизодах романа Белосельцев-Проханов эскизно очерчивает контуры сколь политического, столь и метафизического заговора Запада против СССР/России, используя несколько дублирующих друг друга ассоциаций (рациональное — иррациональное, ад — рай и т. п.): «Россия вам мешала. Иррациональные грезы о Русском Рае, одухотворенная мечта о бессмертии мешали вашей рациональной организации мира. Ваш „мировой порядок“, шествующий триумфально, натолкнулся на Россию, на ее стихию, упрямую память о прошлом, на ее бездорожье, ракеты, разоренные храмы, где Бога больше, чем во всех ваших соборах, на ее космодромы, где готовится посадка космопланов Второго пришествия. Русские нефть, лес, медь, никель — они вам спать не дают. Вы разработали концепцию, способную нас уничтожить. Направили на нас стволы „оргоруужия“, и мы под страшным обстрелом. Мои статьи и та книга, что я завершаю, вскрывают ваш замысел».³²

Здесь способ действия оргоруужия не конкретизирован, поскольку автору важнее указать на вечную вражду западной и русской цивилизаций. Интересно, однако, что и «вскрытие» героем-конспирологом вражеского замысла не способно изменить ход событий — перебирая образы и мотивы консервативного конспирологического воображения, Белосельцев утверждает, что апокалиптический для России сценарий уже запущен: «Существует глобальный проект... Работает „оргоруужие“... <...> На наших пространствах, на шестой части суши замышляется громадная стройка, еще одна Вавилонская башня!.. <...> В защитной оболочке, в искусственно синтезированной матке будет взращиваться новый мировой порядок..!»³³ Другими словами, констатация Белосельцевым успешного применения оргоруужия против СССР, с одной стороны, позволяет герою обнаружить сценарий в событиях, которые окружающим кажутся лавиной случайностей (и тем самым рационализировать болезненные переживания от распада СССР), а с другой стороны, компенсировать собственную несостоятельность и беспомощность в кризисной ситуации. Использование оргоруужия против идеоло-

³¹ Проханов А. Гибель красных богов. М., 2005. С. 166.

³² Там же. С. 12.

³³ Там же. С. 236—237.

гически незащищенной аудитории (а таковой, согласно Проханову, было деморализованное и демобилизованное советское общество времен перестройки) не оставляет никаких шансов на благоприятный исход борьбы, и в «Гибели красных богов» Белосельцеву приходится обреченно констатировать, что «его дар аналитика и провидца <...> бессилен перед мощью „оргоружия”». ³⁴ Правда, идея создания собственного оргоружия, которое позволит в будущем эффективно противостоять диверсиям и манипуляциям, становится с тех пор *idée fixe* Проханова.

Примечательно, что героя романов «Гибель красных богов» и «Господин Гексоген», офицера спецслужб Белосельцева, к участию в заговоре, организованном его коллегами, более всего подталкивает желание избежать хаоса, быть причастным к восстановлению порядка: заговор воспринимается им в качестве некой глубинной структуры, подтверждающей существование контроля и порядка в мире, лишенном ориентиров и границ. Другими словами, заговор эпистемологически необходим герою, поскольку задает определенную стратегию ориентации в реальности, кажущейся ему безумной. Не случайно в обоих романах возникают образы тотального контроля и всемогущества: это компьютерная «мегамашина», способная «проанализировать любой конфликт», ³⁵ и «супердисплей» «Электронная Хазария». ³⁶ То и другое оказывается продуктом исследований, которые велись в недрах советской цивилизации, осваивавшей, как полагал Проханов, новые технологические высоты, но утратившей верный курс и погибшей. То и другое — элементы советского оргоружия, так и не запущенного в действие для спасения страны.

Обычно в «психотическом», ³⁷ по выражению Михаила Рыклина, мире романов Проханова ощущение собственной контролируемости тесно связано с желанием контролировать. Так, восхищаясь совершенными средствами контроля, Белосельцев постоянно чувствует себя подвластным неким таинственным силам. Идентифицировать их герою трудно, но он догадывается, что это не только люди, вовлекающие его в свои игры (например, после выполнения задания по компрометации Прокурора, Белосельцев посещает «острое понимание того, что он несвободен. Им управляют» ³⁸), но и некие духовные субстанции, обычно inferнального свойства. В «Господине Гексогене» герою кажется, словно «множество невидимых глаз наблюдают за ним, <...> читают его мысли, просматривают сны, прослеживают тайные влечения». ³⁹ В «Гибели красных богов» написавший работу об оргоружии Белосельцев ощущает его воздействие — на него направлена «та „пси-энергия”, которая управляла сознанием, считывала тайные мысли, навязывала психозы и мании, побуждала к безумным действиям». ⁴⁰ В этом же романе возникает фантазмагорический образ, будто перенесенный в текст из фильма в жанре *science fiction*, — герой, «запеленговав» «следающие за ним волны», выясняет, что наблюдает за ним бесформенная слизистая субстанция, которая поначалу кажется ему инопланетным существом, пытающимся вступить в контакт, но потом подталкивающим его к самоубийству. ⁴¹ Можно предположить, что ощущение всепронизывающего контроля и своей подчиненности чужой воле негативно влияет на способность героя действовать.

³⁴ Там же. С. 406.

³⁵ Там же. С. 166.

³⁶ Проханов А. Господин Гексоген. М., 2014. С. 145—146.

³⁷ Рыклин М. Структура травмы // Рыклин М. Время диагноза. М., 2003. С. 287.

³⁸ Проханов А. Господин Гексоген. С. 190.

³⁹ Там же. С. 35—36.

⁴⁰ Проханов А. Гибель красных богов. С. 17—18.

⁴¹ См.: Там же. С. 262—265.

Паралич воли, который случается у него в наиболее ответственных ситуациях, растерянность, принятие навязываемых решений явно контрастируют с профессиональным статусом сотрудника спецслужб: разведчик, оказавшийся в центре заговора против его Родины, замечает Оксана Тимофеева в связи с романом «Господин Гексоген», «никакого подвига (...) не совершает, ничего не разоблачает, никого не спасает».⁴² Белосельцев дезориентирован и, несмотря на желание осуществить свое мессианское призвание, не уверен в этической приемлемости собственных поступков.

Сомнения в возможности сохранить интенциональность собственного поступка и полностью себя контролировать Тимоти Мелли объединяет в понятии *agency panic*, отражающем страх деятельностного решения. Речь, согласно Мелли, идет об «интенсивной тревоге по поводу явной утраты автономии или самоконтроля — убеждении, что наши действия контролируются кем-то еще, что нас „конструируют“ мощные действующие извне силы».⁴³ Исследователь рассматривает *agency panic* в американской конспирологической культуре, среди прочего, как попытку законсервировать традиционную либеральную модель личности в условиях развития новых форм социальной организации и социального контроля, возрастающей влияния личности СМИ и формирования постмодернистской концепции личности. Однако у *agency panic* в прозе Проханова — иные источники.

Писатель аттестует своего героя как «аналитика и провидца»,⁴⁴ который силен мистическими озарениями, а не решительными поступками (хотя в романах упоминается о его прежней агентурной работе, включавшей убийства). Благодаря своему дару, он понимает религиозно-метафизическую природу мирового заговора, в котором сталкиваются Бог и дьявол (Россия и Запад), и способен распознать замаскированное вмешательство в сознание. К примеру, лишь мистик Белосельцев, присутствуя на знаменитой пресс-конференции ГКЧП, обнаруживает мощное экстрасенсорное воздействие магов, заполнивших зал и наставших на путчистов холод: ему «было жутко. Он смотрел на сцену, где погибали страшной мученической смертью последние государственники».⁴⁵

Напрямую связанная с прохановским пониманием оргорулия идея вторжения/вмешательства в конспирологических романах и фильмах чаще всего передается образами проникновения в мозг или вторжения в тело, которое размыкают на части (с учетом того, что Проханов нарочито отождествляет тело героя и коллективное тело страны, речь идет не только об одержимом страхе пси-воздействия, но и о распаде советской империи). Однако образы вторжения в тело и сознание могут работать в различных, иногда диаметрально противоположных идеологических контекстах: в американской культуре, замечает Питер Найт, «язык физического проникновения» с начала 1950-х годов был «готовым источником метафор на тему воображаемой угрозы американскому государству»,⁴⁶ в то время как в недавней книге Наоми Кляйн «Доктрина шока» (англ. изд. — 2007) эксперименты по «промыванию мозгов» в США в 1950-е годы выступают физиологически-медицинской аналогией шоковой экономической политики, практикуемой неолиберальными элитами.⁴⁷ У Проханова политический посыл метафор

⁴² Тимофеева О. Русский рай, или Родина-мать, роди меня обратно! // Русский национализм: социальный и культурный контекст. М., 2008. С. 349.

⁴³ Melley T. Empire of Conspiracy. The Culture of Paranoia in Postwar America. Ithaca; New York, 2000. P. 12.

⁴⁴ Проханов А. Гибель красных богов. С. 406.

⁴⁵ Там же. С. 375.

⁴⁶ Knight P. Conspiracy Culture. P. 187.

⁴⁷ См.: Кляйн Н. Доктрина шока: расцвет капитализма катастроф. М., 2009.

проникновения в тело и мозг вполне определен и близок традиционной правоконсервативной позиции. Речь у него обычно идет об индоктринации чуждой идеологией, разрушающей прежние структуры идентичности и тем самым погружающей личность или общество в состояние безволия и бездействия:⁴⁸ «Легчайшая стамеска била его в основание черепа. Снимала костяной купол. Открывала студенистые полушария мозга с фиолетовыми и красными ручьями кровеносных сосудов. Трунько умелыми пальцами рылся в слизистой массе, извлекал из нее запаянную капсулу, мягко улыбаясь, клал в карман;⁴⁹ он чувствовал, что на него воздействуют, его переделывают, переиначивают изнутри. Словно в мозг проникла мягкая, теплая рука и лепила заново, как из пластилина. И это было не больно, почти сладостно...»⁵⁰

В случае с героем Проханова переживание *agency panic* парадоксально продиктовано не столько стремлением защитить «взгляд на личность как на рационального, имеющего четкую мотивацию субъекта с прочным внутренним ядром из убеждений, желаний и воспоминаний»,⁵¹ сколько стремлением отказать от своей воли. Конечную цель подобного отказа Проханов пытается трактовать, опираясь на религиозную философию русского романа XIX века — отказ от собственной воли объяснен необходимостью подчинить все свое существо исполнению данного свыше задания. Нетрудно заметить, что эта объяснительная схема варьирует мотивы религиозного призвания и служения, но вмонтирована в историософскую концепцию, где верховной инстанцией является метафизически понятая империя/государство. В отказе героя от своей воли легко усмотреть и подсознательную жажду освободиться от необходимости совершать выбор, особенно если речь идет о морально двусмысленных ситуациях, в которых постоянно оказывается Белосельцев, участвующий в заговоре и совершающий шаги, которые идут вразрез с его этическими установками. Герой, кстати, и сам задумывается о природе своей подчиненности чуждой воле. Судя по всему, его завораживает и пугает, а лучше сказать — наркотизирует возможность включиться в некую игру таинственных сил, определяющих ход истории, приобщиться к «энергетике» власти: «Белосельцев пытался понять, кем являются люди, которым он вручил свою волю, выполняет по их наущению опасные, порой отвратительные поручения. (...) Их власть опиралась не на деньги или военную силу, не на моральный авторитет или священную праведность. Она была необъяснима, таинственна, сродни волшебству, магическому знанию, что посылает на расстояния чуткий луч, управляет беззащитной человеческой волей, погружает в разум управляющий бесшумный сигнал, делающий человека страстным игроком чужой смертельной игры...»⁵²

Иначе говоря, в заговор герой включается потому, что, подчинившись мощной коллективной воле, надеется обрести «блаженство, связанное с потерей воли и успокоением разума».⁵³ Выгоды такого «контракта» между властью и личностью описывает О. Тимофеева: за отказ «от необходимости делать выбор» «герой платит самозабвенным служением тому, кто способен

⁴⁸ «Бездействие» общества в момент гибели СССР и последующие годы часто также интерпретируются консервативными публицистами в конспирологическом ключе — как результат умышленного заражения «вирусом хронической усталости», парализующим способность народа сопротивляться установлению Нового мирового порядка. См., например: Воробьевский Ю. «Наступил на аспид...».

⁴⁹ Проханов А. Гибель красных богов. С. 18.

⁵⁰ Там же. С. 62.

⁵¹ Melley T. Empire of Conspiracy. P. 14.

⁵² Проханов А. Господин Гексоген. С. 405.

⁵³ Там же. С. 17.

сделать это за него». ⁵⁴ Инстанцией, которой герой переадресует право выбирать и действовать, отмечают исследователи, обычно оказывается Власть. ⁵⁵

В этом смысле любопытны трансформации типологически значимых для конспирологии Проханова мотивов и системы персонажей в романе «Крым». Здесь, как и в большинстве прохановских произведений, есть герой-государственник Лемехов (правда, на этот раз не мистик, подобный Белосельцеву, а технократ, возрождающий военно-промышленный комплекс страны), есть таинственный философ Верхоустин, обладатель тайного знания, внушающий герою, что тот избран историей и тайным орденом офицеров военной разведки в качестве нового правителя России, есть ловкие политехнологи, явно работающие по заказу закрытых парapolитических структур, есть обязательный мотив «заговора в заговоре» (в данном случае заговор против мессианского пути русской истории, русской государственности и лично президента Лабазова оказывается еще и заговором, направленным против Лемехова как возможного преемника Лабазова), есть ситуация самопожертвования, точнее говоря, «кенозиса», самоумаления, на которое идет Лемехов, казня себя за честолюбивые намерения и искупая свою вину перед президентом и страной. В отличие от «Гибели красных богов» и «Господина Гексогена», в «Крыме» есть трагическая (не сатирическая, как в «Виртуозе») фигура представителя высшей власти — президента Лабазова, затеявшего в России Большой проект (т. е. мобилизацию общества в целях скорейшей модернизации страны), и потому компрометируемого врагами, одинокого, предаваемого ближайшими соратниками, подвергающегося «психическим атакам». ⁵⁶ Лабазова Верхоустин объявляет «замковым камнем русской государственности», ⁵⁷ и потому сподвижник президента Лемехов, создавший собственную партию и начавший предвыборную кампанию, впоследствии осознает греховность своих поступков в терминах предательства: во-первых, своего покровителя — президента, во-вторых, своего служения на благо государства. В финале романа Лемехов не только переживает духовное воскресение в Аркаиме и обретает способность говорить и читать пушкинские стихи о Тавриде, но получает прощение со стороны оскорбленного его вероломством патрона. Аляповатый символизм заключительного эпизода, в котором посланник президента Дробинник приземляется на вертолете посреди степи, дарует от лица Лабазова прощение духовно обновившемуся Лемехову, сбиваясь при этом на стилистику отчетного доклада на партийном съезде, ⁵⁸ не только активизирует религиозные коннотации сцены явления ангела раскаявшемуся грешнику, но воспроизводит классцистическую модель милостивого прощения заблудшего «вассала» представителем верховной власти. В романе «Крым» автор не тематизировал представления об оргоруужии, но уже привычно воспроизвел симптомы его использования противником: в первое лицо государства бьют «лютые потоки ненависти», монахи денно и нощно отражают «атаку колдунов» ⁵⁹ про-

⁵⁴ Тимофеева О. Русский рай, или Родина-мать, роди меня обратно! С. 367.

⁵⁵ Не идеологическая рефлексия и не «испытующее действие», справедливо замечает исследователь по поводу «Господина Гексогена», а отношение к фигуре власти всецело определяет идентичность прохановского героя (см.: Степанов Б. Как сделан *Господин Гексоген*: литературная конструкция идеологического радикализма и ее рецепция // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 1. С. 138).

⁵⁶ Проханов А. Крым. М., 2014. С. 85.

⁵⁷ Там же. С. 155.

⁵⁸ «Русское государство, — сообщает Дробинник герою, — достигло в своем развитии такого уровня, что оно способно ставить перед собой огромные цели. Во внешней политике, в оборонной сфере, в развитии самого государства. Нам предстоит деяния, которые изменят роль России в современном мире» (Там же. С. 380—381).

⁵⁹ Там же. С. 160.

тив руководства страны и т. п. Жертвой усовершенствованных методик влияния становится Лемехов, чью волю Верхоустин подчиняет себе беспроблемным способом — чтением стихов Пушкина и пением народных песен. В общем, действие оргоружия изображено в романе как реалии современной политической культуры, но по сравнению с «Политологом» и «Виртуозом», запечатлевшими полную эрозию мистического и идейного измерений заговора, в «Крыме» Проханов видит ситуацию более оптимистично. Он по-прежнему убежден в существовании заговора (и применении оргоружия) против России: отрицать его, по мнению писателя, было бы гносеологически нелепо, ибо это равносильно отрицанию существования зла как такового.⁶⁰ Тем не менее теперь он полагает, что действие оргоружия может быть нейтрализовано при помощи настойчиво осуществляемого властью Большого проекта, направленного на достижение мессианских целей русской цивилизации.

Публицистика Проханова и роман «Крым», в котором политическое совпадает с мифологическим, а история неотличима от теории заговора, прекрасно иллюстрируют стратегию по переформатированию конспирологических моделей в более или менее продуктивные идеологические модели. Политическая публицистика писателя, начиная с 1990-х годов, убеждает читателя в том, что практически любое событие, особенно в сфере международных отношений, имеет конспирологическое измерение. При этом Проханов предельно расширяет представления о конспирологическом действии, фактически приравнивая его к магическому ритуалу. «Привычные политтехнологии, — заявляет он, — себя исчерпали... <...> [Сейчас] все чаще применяются „магические технологии”», т. е. «новейшие <...> разработки, пополняющие арсенал „организационного оружия”».⁶¹ Например, убийство Анны Политковской и смерть Александра Литвиненко он считает взрывами «психотронной бомбы».⁶² Он объясняет читателям, что руководство страны постоянно находится «в лучах оккультной ненависти, под обстрелом кинескопов и радиостанций».⁶³ После террористических атак 11 сентября 2001 года Проханов радикализирует свою давнюю догадку о том, что мировое сообщество, особенно та его часть, которая имеет отношение к принятию политических решений, общается на языке конспирологических метафор, вмонтированных в сюжеты массовой культуры. Так, снятый в 2006 году фильм бондианы «Казино „Рояль”» является, по мысли писателя, конспирологическим посланием, которое тайные международные структуры адресуют российской верховной власти: рассказанная в фильме история Бонда и его подруги Веспер Линд, уверяет Проханов, в зашифрованном виде содержит призыв Путину отказаться от намерения идти на третий президентский срок.⁶⁴ Подобная интерпретация может показаться очередным образцом знаменитой прохановской эксцентричности, однако эксцентричность эта политически довольно прагматична — Проханов, имитируя дешифровку конспирологического послания фильма (это классический случай проанализиро-

⁶⁰ По Проханову, последовательно антиконспирологическая позиция может быть только манипулятивным приемом, призванным спрятать следы заговора. Показательно, что в «Гибели красных богов» персонаж по имени Магистр, «списанный» с олицетворявшего все грехи либерализма Александра Яковлева, саморазоблачается, иронизируя над способностью русского «национального сознания» «во всем видеть заговор» и «объяснять историю проявлением злокозненной воли» (Проханов А. Гибель красных богов. С. 60).

⁶¹ Проханов А. Покров Богородицы и молнии ненависти // Проханов А. Путин, в которого мы верили. М., 2011. С. 213—214.

⁶² Там же. С. 213.

⁶³ Проханов А. Преображение лидеров // Там же. С. 272.

⁶⁴ См.: Проханов А. Оккультный фильм «Казино „Рояль”» // Там же. С. 216—219.

ванного Марком Фенстером «гиперактивного семиозиса», при котором история и политика воспринимаются как «резервуар знаков, требующих (сверх)интерпретации»⁶⁵), излагал позицию так называемой «партии третьего срока».

Очевидно, что подход, тотализующий заговор и идею оргоружия, предельно размывает представления об источниках тайных угроз. Попутно выясняется, что для их обнаружения и нейтрализации необходимы особые институты и квалифицированные эксперты. И это еще один, управленчески-организационный, аспект конспирологических построений Проханова. Усвоив в 1990-е годы предложенную А. Дугиным интерпретацию заговора как контрнициации, противостоящей Традиции, следуя геополитической логике противостояния двух центров силы (евразийского и атлантистского), писатель доказывает необходимость «симметричного ответа» Западу в области пси-технологий и «культуры воздействия»: «Этой рафинированной сверхсложной культурой не может обладать один человек... Ею могут обладать секретные, парapolитические центры, закрытые сообщества, стремящиеся управлять макрополитикой, ходом исторических процессов. (...)

Россия не обладает подобной культурой и поэтому проигрывает в схватке цивилизаций. Ею манипулируют, ее загоняют в тупики, управляют волею первых лиц государства и целых социальных слоев».⁶⁶

Если создание оргоружия под силу «лишь высочайшему коллективному интеллекту, который в сегодняшней России рассеян по малоизвестным „клубам” и „школам”, занятым на свой страх и риск, без поддержки государства, противодействием врагу»,⁶⁷ то нужно озаботиться объединением таких «школ» и создать сильный экспертный центр, ответственный, среди прочего, за разработку российского оргоружия, — так, в 2012 году возникает Изборский клуб под председательством Проханова,⁶⁸ а идея оргоружия конвертируется в административный капитал.

Содержательная емкость и функциональная гибкость понятия «оргоружие», которое с 1990-х годов является центром прохановской конспирологии, обеспечено, на мой взгляд, не только культурно-политическими контекстами, в которых оно остается актуальным в течение двадцати с лишним лет, но и самой структурой этой метафоры. Она отсылает к современным научным технологиям и политехнологическим разработкам и одновременно аккумулирует тревоги, связанные с хрупкостью индивидуальной и коллективной идентичности, она естественно вписывается в «культуру заговора» и иронической саморефлексивной подозрительности (по П. Найту) и вместе с тем опирается на базовую потребность в разграничении «своих» и «чужих», она легко совмещает «параноидальное» с прагматическим. В определенном смысле «оргоружие» находится в метонимических отношениях с прохановской конспирологией, которая в свою очередь может быть понята как часть историсофской концепции писателя (речь идет, прежде всего, об идее Пятой Империи⁶⁹). Активная эксплуатация Прохановым конспирологической сюжетики и риторики, на мой взгляд, имеет под собой определенные теоретические основания, разъясненные Дугиным в работе «Конспирология» (1993, 2005). В ней Дугин стремился проинтерпретировать теорию заговора

⁶⁵ Fenster M. Conspiracy Theories: Secrecy and Power in American Culture. Minneapolis, 2008. P. 95.

⁶⁶ Проханов А. Донна Анна и «черный командор» // Проханов А. Путин, в которого мы верили. С. 238.

⁶⁷ Проханов А. «Идет война холодная, священная война...» // Там же. С. 230.

⁶⁸ См.: Laruelle M. The Izvorsky Club, or the New Conservative Avant-Garde in Russia // The Russian Review. 2016. Vol. 75. № 4. P. 626—644.

⁶⁹ См., например: Проханов А. Симфония «Пятой Империи». М., 2007.

изнутри мировой эзотерической мысли, воспользовавшись для этого мета-языком Традиции, понятой в духе Рене Генона. Любые конспирологические построения для него, как и для Проханова, всегда являются вариацией религиозно-метафизических тем, но «секуляризованных», изъятых из естественной для них образно-риторической среды. Оба — Дугин и Проханов — полагают, что конспирологические сюжеты имеют дело с бессознательным, и это существенно увеличивает их ценность в качестве символического ресурса для конструирования коллективной идентичности. Если историей, по словам Дугина, «правят комбинации архетипических принципов, выражающихся в тех или иных идеологических формах»,⁷⁰ то тогда конспирология, связывающая политическую эмпирику и «базовые религиозные факты»,⁷¹ дает возможность «работать со смыслами» и формировать определенные идеологические стратегии. Этой возможностью конспирологии Проханов, убежденный, что нельзя без «теории архетипов Юнга» «создать образ народного вождя и героя», без «магических технологий» — «сотворить дизайн современного государства, предложив его народу как священную безусловную данность»,⁷² пользовался и пользуется вполне обдуманно. Впрочем, парадоксы в использовании понятия «оргоружие», перекочевавшего в лексикон политологов и военных экспертов, обретшего там, пусть относительную, но все же теоретическую строгость, и одновременно оставшегося хлестким журналистским образом, следует объяснять не только специфическим подходом Проханова к конспирологии, но и превратностями легитимации *popular knowledge*⁷³ в современной ситуации.

⁷⁰ Дугин А. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). М., 2005. С. 54.

⁷¹ Дугин А. Мирча Элиаде — Вечное Возвращение (см.: <http://www.arcto.ru/article/1103> (дата обращения: 31.01.2018)).

⁷² Проханов А. Новый Путин: из куколки в бабочку // Проханов А. Путин, в которого мы верили. С. 284.

⁷³ См.: Birchall C. Knowledge Goes Pop. From Conspiracy Theory to Gossip. Oxford, New York, 2006.